

**СБОРНИК ПОБЕДИТЕЛЕЙ
КОНКУРСА ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ
ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ
ЭДУАРДА АСАДОВА**

2025

СБОРНИК

**победителей конкурса литературных работ
людей с нарушением зрения
Эдуарда Асадова**

2025 год

СОДЕРЖАНИЕ

Смирнов М. И. «Будем жить».....	4
Васильев В. Ю. «Сага о Корне Старого Дуба».....	19
Рощина Е. В. Сказки и рассказы.....	31
Медведева О. Л. Стихотворения.....	44
Колесников Т. А. «Знамя нашей Победы».....	48
Гаврилина М. С. Стихотворения.....	51
Антонов П. Г. Стихотворения.....	56
Чабан В. В. «Помним».....	61

Будем жить

**Смирнов
Михаил Иванович**

В начале октября, когда с березок полетел золотой лист, а рябины заалели, Игнат Фалугин возвращался с фронта. Всю дорогу смотрел из приоткрытых дверей на проплывающие леса и перелески, на реки и речушки, необъятные степи и холмы. Смотрел и не мог насмотреться. А еще слушал мирную тишину. В вагоне пели песни, громкие разговоры, а то взвизгнет гармошка – и пошли отплясывать солдаты! Это не мешало Игнату Фалугину прислушиваться к мирной жизни. А бывали остановки, и тогда все высыпали на перрон, где уже встречали солдат местные жители, которые кидались к каждому из них и заглядывали в лица: а не мой ли отец, муж или сын вернулись с проклятущей войны? Кидались, а потом всхлипывали и отходили в сторону, вытирая глаза краешком платка или просто ладонью. А некоторые кидались с вопросами: «А не видали ли вы, солдатушки, наших мужиков? Как ушли на войну, до сей поры ни одной весточки не получили». И с надеждой смотрели в солдатские лица.

– Где же увидишь, если не сосчитать всех солдат, кто воевал на этой проклятущей войне, – вздыхали солдаты. – Вся страна воевала. Вы в тылу трудились от зари и до зари, а мы на поле боя завоевывали. Но вы слезы не лейте, бабоньки. Ввернутся ваши мужики. Обязательно приедут. Ведь знают они, что ждете их. Что каждый день и час – всегда ждете..

И невольно поглядывали на журавлей, что курлыкали в небесах.

Игнат Фалугин подозвал мальчика, что крутился возле солдат. Чумазый, босоногий. Ноги в цыпках. Царапины и ссадины. Рубашонка едва держится на худых плечах. Покопался в вещмешке. Достал большой кусок сахара и несколько сухарей. Протянул мальцу. Вытащил линялую пилотку и напялил на давно не стриженную белобрысую голову. Потом помедлил и вытащил гимнастерку.

– Возьми, малец, – протянул он. – Пусть мамака что-нибудь придумает для тебя. У меня такой же сорванец. Только мамки нет..

Игнат Фалугин нахмурился. Взгляд тяжелый, неподвижный. Смотрит на мальчика и не видит.

– Дядь, а где ваша мамка? – прижимая к себе старенькую гимнастерку, спросил малец. – А у нас папаку убили фашисты проклятые. Но я не верю.

Каждый день бегаю сюда. А вдруг ошиблись, и батя мой живой. И я встречу его. Вот уж он обрадуется! Вон, как у тетки Дуси, которая возле оврага живет. Два раза похоронки получала на дядьку Васю. А он недавно заявился. Весь израненный. Одной ноги по коленки нет, а сам на костылях. Тетка Дуся как увидела его, так и свалилась. Водой отливали. Думали, померла от радости. Вот и я жду папаку...

— Правду говоришь, малец, — закивал седой головой Игнат. — Нужно верить. Обязательно верить. И тогда все сбудется. Ну, беги домой, малец. Небось, мамка заждалась. Да и зябко, а ты в одной рубашонке носишься, да без обуви. Чать озяб. Захвораешь еще...

— Не-а, не захвораю. Я привычный. А мамка в поле, а я убежал, — засмеялся мальчуган, лизнул сахар и почмокал губами — вкусно, а потом сухари и сахар завернул в гимнастерку, чтобы не потерять. — А завтрава снова приду. Может, папака объявится...

Сказал, лицо посерьезнело. Он вздохнул и медленно зашагал к дороге, бережно прижимая к себе гимнастерку.

Игнат остался в вагоне. Потянулся за котелком, где была холодная вода. Отпил немного. Закряхтел. Вытер вислые усы. Глянул вслед мальцу. Нахмурился. Своего Петьку вспомнил. Чем-то они были похожи с этим мальчишкой. Наверное, выцветшими волосами да худобой, аж ребра выделялись в распахнутой рубаше. На улице похолодало, а малец в одной рубашонке. Как мои ребятишки-то одни живут? Эх, война проклятушая!..

И дочурка есть у него. Всего года на два постарше Петьки будет. Игнат задумался. А сколько сейчас годков его ребятам-то? Он уж забывать стал. Да еще эта контузия. Башка начинает болеть, и память теряется. В госпитале говорили, что нужно время, чтобы все наладилось. А есть ли у него это самое время? Успеет ли он поставить ребятишек на ноги — неизвестно. Думал, раньше жинки взмоет в синь небесную журавушкой, но она опередила. Перед самым возвращением пришла весточка от соседки, что его жинка, Дарья, померла аккурат перед самой победой. Присела возле двора. Говорила, устала. А когда подошли, она не дышала. Сердце разорвалось. Так и схоронили на мазарках рядышком с ее мамкой и папакой. И мелкими закорючками добавлено, что написала тетка Евдоха.

Взвыл Игнат, когда весточку прочитал. Жить не хотелось. Как же он будет без своей Дашутки то? Кинуться бы в бой да найти смертушку свою, но поздно. Разбили фашистов проклятуших. И заметался Игнат, не зная, что ему делать.

— Фалугин, — остановил его командир. — Слышали о твоей беде. В общем, собирай вещички. Готовься к возвращению. Негоже ребяток одних оставлять. Им нелегко сейчас живется. Была мамка — и не стало. Ладно, если соседи сердобольные. Помогут, пока доберешься. В общем, солдат, пора возвращаться. Не жалея себя воевал, а теперь стисни зубы и поднимай ребят на ноги. Ну, оформляй документы — и в дорогу.

И вот уже который день Игнат был в дороге. Ехал, а внутри все переворачивалось. Как же он, мужик, станет воспитывать детей? На фронте было легче. Там враг, которого нужно уничтожить. Друзья фронтовые, которые помогут в любую минуту и подставят плечо, если споткнешься. А там кто поможет? Ребятишки, которых не видел всю войну, а больше никого и не осталось. И выть хотелось, и биться головой об стены. Да лучше бы он лег

во сырую землю, чтобы журавушкой подняться в небеса, чем потерять жинку родную. словно взяли его и рассекли пополам. И как теперь жить без своей половинки – он не знал...

– Игнат, что смурной сидишь? – спросил сосед. – всю дорогу отмалчиваешься. Радоваться нужно! Ведь такую вражину одолели. Домой вертаемся. Заждались нас бабы с ребябками. Вот уж радость будет для них, когда появимся.! Эх, поставим столы. Рассядемся. И будем гулять. А потом песни станем петь. Ты знаешь, как мы умеем петь? У-у, нам и рюмка не нужна. Один затынет. Другой подхватит, а там и третий вpletет голос. И другие за ними. И так, пока все песни не перепоем. А мы очень много знаем их. Давно не пел. Давно душу не отводил. Ну, ничего. Вернусь и наверстаю. За всю войну отгуляю и напьюсь. Да так, что в соседних селениях слышно будет.

Он не удержался и хлопнул Игната по спине.

Игнат поморщился. Казалось, осколки зазвенели в нем, какие не смогли достать. Так и забултыхались внутри.

– Ты, чертяка рукастая, потише махай, – сказал Игнат и прислонился к щелястой стенке. – Врачи не достали железо из меня, так ты повышибаешь своими граблями. Знаешь, Лексеич, никто меня не ждет дома. Ребятишки одни остались. А жинка... Жинка померла аккурат перед самой победой. Сердце разорвалось, как сообщила соседка. Вот теперь еду и всю свою башку изломал, как буду ставить на ноги ребяток. Один же остался. А у меня малец и дочка. Как справлюсь – не знаю...

Он нахмурился, и брови сошлись. Взгляд в землю – и замолчал.

Лексеич тоже молчал, посматривая на него.

– Ничего, Игнат, справишься, – вздохнул он. – Они титьку не просят. А значит, поставишь на ноги. Моему брата, когда жинка отдала Богу душу, оставила сосунка. Вот уж пришлось повозиться. Даже на работу с собой брал, лишь бы пригляд был. А у тебя, поди уж, взрослые ребятенки. Скока им?

Игнат нахмурился. Сидел, пальцы загибал. Губы шевелились. Задумывался. И снова начинал считать по пальцам.

– А ты знаешь, Лексеич, не помню, – растерянно сказал он. – Контузия проклятая! Как башка начинает болеть, себя не могу назвать. всю память отшибло. Я уходил на войну, Петька с рук не слазил. Ну, годика два-три было. А Катюшка на два года постарше будет. Меня четыре года не было дома. Вот и считай...

Он растерянно развел руки в стороны.

– Это уже большеенькие! – протянул Лексеич. – Малец в школу пойдет, как думаю. А дочка – это помощница подрастает. Ничего, Игнат, справишься. А долго еще ехать?

– Уже готовиться нужно, – завздыхал Игнат. – Сейчас мой полустанок. Составы на минутку притормаживают, и все. Ладно, пора собираться.

Он уже посматривал на знакомые места, что проплывали перед глазами. Еще немного, и он дома. Эх, раньше бы он впереди паровоза бежал, а сейчас к ногам будто гири привязали. Игнат подхватил вещмешок, набросил шинель и подался к выходу.

– Погодь, Игнат, – догнал Алексеич. – Мы тут спроворили для тебя гостинцы. Ребяткам твоим, да и тебе пригодится на первое время. На-кась, подставляй вещмешок.

И принялся заталкивать сахар и тушенку, хлеб и махорку. Потом еще что-то натолкал. А под конец отрез цветастый положил.

– Это дочке отдашь, – сказал он. – Что-нибудь пошьет для себя. Ну, бывай, солдат! Главное, что живым вернулся, а не журавушкой поднялся в небеса. Ну, будь здоров!

Он обнял Игната и подтолкнул к двери, когда паровоз остановился.

Игнат спрыгнул на узкую утоптанную полосу земли – так называемый перрон. До войны здесь торговали всякой мелочью да яблоками. И пассажиры успевали поторговаться и купить, да еще вернуться в вагон. А сейчас на перроне никого не было. Даже будка была закрыта, на ней висела кривая вывеска с надписью «Касса». Некому стало продавать билеты.

Раздался долгий паровозный гудок. Вагоны дернулись раз-другой, а потом стали набирать скорость. Из вагонов доносились песни, звуки гармошек. Выглядывали солдаты. Махали ему руками и что-то кричали. А Игнат стоял, смотрел вслед, а душу словно в кулак сжимали. И чем дальше мелькал состав, тем тяжелее становилось на сердце.

Игнат дождался, когда состав скроется за поворотом. Махнул рукой, прощаясь. Постоял, посматривая по сторонам. Осень на дворе. Холмы и перелески пожелтели. Рваными заплатами смотрелись вспаханные поля. Бедняжки. Наверное, бабы за рычаги сели. Дарья присылала весточки, что работают от зари и до зари. Мужики почти все на фронте. Старики остались, бабы да дети малые, а еще покалеченные стали приходить. Кто без рук или ног, а Иванов глаза потерял. А Ерохин без ноги вернулся, зато мальчика с собой привез. Сыном считает. У него же двое старшеньких пропали без вести, а поскребышек погиб. Вот что делает эта война проклятушая!

Игнат вздохнул. Натворила делов эта война. Долго еще будем в себя приходить. Он поднял тяжелый вещмешок, повесил на плечо и по обочине разбитой дороги зашагал в сторону деревни.

Идти до Васильевки далековато. Деревня в стороне стояла от железной дороги. Раньше добирались на попутках или телегах, а зимой в санях, но сейчас, пока он шагал, ни один транспорт мимо него не проехал. А поля вспаханы под озимые, как успел заметить. Раньше всяко доносился шум машин или тракторов, а теперь и не слышно.

Вспомнилось, как уходили на войну. Бабы плакали. За мужиков цеплялись. И ребятишки ревели. А мужики все же старались сдерживаться. Бахвалились, что Гитлера шапками закидают, а самого в железную клетку посадят и будут возить по городам и селам, чтобы каждый житель страны плюнул бы ему в рожу. Чтобы знал, сволота, на кого решил руку поднять.

Да уж, шапками не удалось закидать, тем более в клетку посадить. Такая орда перла на наших солдат, что конца и края не было видно. Только дурак ничего не боится. Страшно было. Даже очень страшно, когда ты с винтовкой сидел в окопе, а на тебя фрицевские танки перли, и приказ, что ни шагу назад. Страшно...

Игнат Фалугин вздохнул. Приостановился. Закурил. Потоптался, осматривая родные места, аж сердце заныло. Что ни говори, а сколько лет не видел. Ночами приходили березки. Снилось черемуха под окном. И запах ее чуял. И Дашутка его снилась. Гуляли с ней по берегу Ветвянки. На берегу сидели, а она венки из ромашек плела. Это было еще до свадьбы. А потом отыграли свадьбу. И стали жить. Катюшка родилась. Здесь уже другие хлопоты начались. Потом Петька появился. Горластый был. Так орал, что по всей округе было слышно. Певцом станет, смеялась Дашутка. Вон как горло дерет. А потом пришла беда в каждый дом. И заголосили по деревне, провожая мужиков на фронт.

Много журавушками отправились во родные места. Сколько раз Игнат думал, что смертушка пришла. В глаза заглядывала. С собой хотела забрать, да только Игнат фигу ей показывал. Выкарабкивался на свет божий, оклемывался и снова воевал. А может, Дашутка его берегла, чтобы он домой вернулся. Как говорила, вернись живым – без рук или ног, контуженный или слепой, но вернись. А мы тебя любого будем ждать, лишь бы ты был рядом с нами, а не поднялся журавушкой в синь небесную. Вот он вернулся, а его Дашутки нет...

Замелькали до боли знакомые места. Мелькнула речка Ветвянка. Закружилась между холмами, прячась в густых зарослях. А там мелькнул первый дом, стоявший на отшибе. Не зря же некоторые называли его Васильевку «пьяной деревней».словно пьяный великан шагал по окрестностям и разбрасывал избы. Куда упали, там и остались. Тут с пяток, а там с десяток-другой, да вдоль речки пристроились, и к холмам притулились, словно прятались от взгляда чужого. А что прятаться-то, если ее и так не разглядишь в зарослях черемухи да среди островков березок, что разрослись там и сям. Сразу и не заметишь, а уж отыскать чей-то дом – это не каждый сможет.

А Игнат с закрытыми глазами отыщет дорогу к родному дому. Ночами снилось, будто он шагает по тропке. Что вот сейчас за теми кустами мелькнет крыша дома, а на крыльце сидит и ждет его Дашутка. Он торопится. Перебирает ногами, но никак до дома не доберется. Вот еще чуток, еще немного... Откроет глаза, а он в землянке или в окопе, а ноги двигаются, словно еще бежит...

И сейчас заторопился. Срезал угол, чтобы не тащиться задами огородов, – решил напрямки через деревню шагать. Пусть все видят, что он вернулся.

Игнат подошел к крайним домам, что стояли под березами. Прислонился к шаткому забору. Сердце зашлось, когда увидел Васильевку. Стоял, переводил дух. Откуда-то доносились голоса. Мукнула корова. Залилась злобным лаем собака и тут же смолкла от грозного окрика. У кого-то заорал петух. Слабенький голосок, неокрепший. Промелькнула рыжая кошка и исчезла во дворе. Прошумел ветер над головой. И с берез закружился желтый лист.

Игнат снял пилотку. Вытер лоб. Закурил. Попыхал, потом затушил окурок и бросил в кiset. Пригодится. А сам стоял и крутил головой. Вдруг дочку или сына увидит? А потом нахмурился. А узнает ли – неизвестно...

Сколько ни стой, а идти нужно. Да он бы бегом побежал, если бы его Дашутка живой была. А ее не стало, он и растерялся. Но ведь домой же вернулся. Домой, где его ребятишки одни остались. И, наверное, глаза проглядели, когда батька родной вернется.

И не удержался Игнат. Вскинул вещмешок на плечи. Пилотку на глаза нахлобучил. И торопливо зашагал по разбитой дороге.

– Ой, божечка мой, Игнашка Фалугин воротился с войны! – Встречная баба прижала ладони ко рту. – А у него Дашка-то померла. Как же он жить станет с ребятками-то?

И тихонечко запричитала.

– Цыц, Тонька! – раздался хрипловатый густой бас, и на улицу вышел крепкий мужик в галифе и фуфайке, наброшенной на плечи. – Здоров был, Игнат! С возвращением, солдат! А что не сообщил, что приедешь? Мы бы тебя встретили.

И, как был босиком, заторопился к Игнату.

– Здорово, Ленька! – ткнул руку Игнат. – Так получилось, что без весточки приехал. Торопился. Все знаю. Поэтому меня раньше других отправили. А где ребятки мои?

И принялся крутить головой, словно они были где-то рядышком.

– Дома они, – махнул рукой сосед. – Давеча проходил мимо вашего двора, Катерина белье стирала на крыльце, а Петька возле двора сидел с дружками. Ну, торопись, солдат. Заждались они. Чуть ли не каждый день бегали к составам. Тебя ждали. Ну, шагай. Потом уж загляну на огонек.

Он хлопнул Игната по плечу и вернулся во двор.

Игнат заторопился дальше.

Вот и знакомый проулок. Свернул. Увидел родную избу, и дыхание перехватило. Крыша за забором. Возле дома две березки, а в палисадничке разлохматилась черемуха. Откуда-то донеслись детские голоса. Он ухватился за соседский забор. Затряс головой. Склонил ее. Рукавом махнул по глазам. Видать, слезы выступили. Вздохнул. Надвинул пилотку по самые глаза. Подошел к калитке. Распахнул. И остановился, глядя на худенькую девчонку-подросточка и белобрысого нестриженого мальчишку, который чилиговым веником выметал мусор возле крыльца.

– Ребятки, – едва слышно сказал Игнат, и вещмешок свалился под ноги. – Вот я и вернулся.

Тихо сказал, но этого было достаточно. Дочка взвизгнула и кинулась к нему, теряя на ходу опорки. И повисла, обнимая за шею. И прижималась худеньким тельцем. А Петька недоверчиво смотрел на него, словно не надеялся, что отец вернулся. А потом заверещал, аж уши заложило. И тоже

бросился к нему. И все заглядывал в лицо, словно не верил, что это родной отец стоит.

– Батяка с войны пришел, батяка, – шепелявил он и прижимался к отцу. – А мы ждем, а тебя нет и нет. Знаешь, как плохо одним было?

И не удержался. Всхлипнул.

И Катюшка захлюпала носом.

Игнат чуял, что у него на глаза навернулись слезы. Зажмурился. Мотнул головой. Пилоткой вытер лицо. Крепко обнял ребят, а от них домом пахнет и еще чем-то до боли знакомым, а вспомнить не получалось.

– Игнат, ты вернулся, что ли? – За забором послышался голос соседки. – А как же ты пришел, если тебя не видели? Ну и слава Богу, живым воротился! Жаль, Дарья не дождала до этого дня. Все ждала тебя. А в последнее время выйдет за околицу и смотрит на дорогу. Дашка, твой еще воет, говоришь ей, а она все твердила, что скоро вернется. Немного осталось, и приедет. Видать, чуяла, что смертушка возле нее ходит. И поэтому тебя торопила...

– Настасья, с кем ляды точишь? – Раздался кашель, хлопнула дверь, и на крыльце появился дядька Андрон. – Не успеет во двор выйти, как уже с кем-нибудь языками сцепится... О, да здесь же Игнат вернулся! Здоров был, солдат! Вот и славно, что вернулся. Ребятишек нужно на ноги ставить. Ладно, потом поговорим. Время еще будет. Вижу, ты даже в избу не успел зайти. Катюха, что же вы родного батяку домой не пушаете?

Он хохотнул. Подошел к Игнату. Обнял его. Похлопал по спине. Подтолкнул к дверям, а сам зашагал обратно.

– Ой, папка, правда, что стоим? – глянула мокрыми покрасневшими глазами дочка. – Айда домой. Сейчас что-нибудь стотовлю. Ты же с дороги. Небось, кушать хочешь.

Она говорила быстро, проглатывая окончания слов. И все тянула отца за рукав.

Игнат подхватил вещмешок. Поднялся по ступеням крыльца. Толкнул низкую дверь в полутемные сени. Остановился. Глубоко вдохнул. Задержал дыхание. Этот запах родного дома ночами снился на фронте. Постоял. Зашел в избу. Прошел в горницу. И прислонился к косяку. Все осталось как и прежде. На столе тетрадка и чернильница с ручкой. Стопка учебников и старые газеты. Табуретка рядом со столом. Яркая геранька на окне. Луч солнца пробился в избу, и закружились в нем пылинки. А возле окна кровать с горкой подушек. Там они спали с Дашуткой. Комод раскорячился возле кровати. Это Леонтий Шаргунов еще до войны сделал. Над ним несколько фотографий. Он знал, там они с Дашуткой. На других отец с матерью, дед с бабкой, да еще ребятишки. Вот вся его семья.

– Папка, проходи в горницу, – подталкивая его в спину, сказала дочка. – Что застыл возле порога?

– Батя, а можно я твою пилотку возьму? – раздался серьезный голосок Петьки. – У всех ребят есть, а я один без нее хожу.

Петька подергал его за рукав.

— Конечно, возьми, сын, — сказал Игнат. — Ты же будущий солдат. Носи пилотку. Не посрами ее.

Петька схватил пилотку. Напялил. Большая, она закрывала уши и съезжала на глаза. Но Петька сдвинул на затылок, выпустив выцветшие волосы на лоб.

— Ребятки, айда на мазарки, — Игнат оглянулся на них. — Мамку проведем. Хочу рядом с ней побыть. Много осталось недосказанного. Айда...

Он собрал сверточек. Сунул ребятишкам по горсточке конфет — это солдаты в вагоне поделились. И заторопился к выходу.

— Катюшка, вещмешок потом разберем, — сказал он. — Там гостинцы передали для вас. И, наверное, вечером гости заглянут. Картоха есть? Сварить бы...

— Соберем на стол, — серьезно сказала дочка. — Тетку Настю кликну на помощь. Никто не откажет. Не хуже, чем у других будет.

Они шли по деревне. Соседи часто останавливали его. Все спрашивали, а не видел ли наших. «Может, где-нибудь встречались? Вот уж с той поры, как ушел на фронт, ни одной весточки не было». «А у меня с год молчал, а потом сообщил, что по госпиталям мотался. Уж как я рада была! А сейчас снова молчит...»

— Вы, соседки, не расстраивайтесь, отзовутся ваши мужики. Если похоронки нет, может, в госпитале лежит. Всякое бывает на войне.

И торопился дальше, поглядывая на курлыкушек, что кружились над округой.

— Здоров был, солдат! — опираясь на костыль, сказал Николай Ерохин. — Вернулся? Вот и хорошо! Нашего полку прибыло. Да, Алешка?

Он потрепал по волосам мальчугана, стоявшего рядом с ним.

— А это кто такой? — удивленно глянул Игнат. — Что-то я не припомню...

Он достал горсточку слипшихся конфет и протянул мальцу.

Тот взял, но есть не стал, а сунул в карман.

— Это же мой сынок, Алешка, — Ерохин погладил того по голове. — Разве не признал?

Он незаметно моргнул.

— О, правда, Алешка! — запнулся Игнат. — Столько лет не виделись. Вы заходите в гости. А мы на мазарки подались. Дашутку проведем.

Игнат вздохнул. Надвинул пилотку на глаза. И они зашагали дальше.

– Дядька Ерохин привез Алешку после госпиталя, – оглянувшись, зашептала дочка. – Усыновил. Так и ходят вдвоем. Алешка без него шагу не делает.

Игнат вздохнул, вспоминая мальчика, которого видел на станции. Наверное, все дети войны похожи друг на друга. Война проклятушая. Даже у детишек детство отняла...

Они подошли к невысокому холмику на мазарках, Игнат склонился над ним. Погладил крест, потом провел рукой по земле. И застыл. Лишь губы едва шевелились, да рука продолжала гладить холмик.

Катюшка дернула Петьку за руку, кивнула на отца, и они потихонечку отошли в сторону, чтобы ему не мешать, и принялись искать последние осенние полевые цветы.

Игнат долго просидел возле могилки. Все разговаривал. И наговориться не мог. Слишком много недосказанного осталось за годы войны. Потом руками выровнял холмик. Удивленно глянул на ребяташек, которые протянули ему букетики осенних цветов. Положил возле креста. Рядом конфетки и еще что-то... Потом поднялся. Постоял возле могилы. И неожиданно поклонился. Вытер лицо платочком. И зашагал к выходу. Ребяташки следом за ним...

– Нам говорят, Фалугин вернулся с фронта, а его Митькой звали. – Возле двора сидели соседи. – С возвращением, Игнат! По деревне быстро разносится весть, что ты появился. А пришли – и дверь подперта. Сразу смекнули, что на мазарки отправился. Правильно! Дарья всю войну прождала тебя. Переживала. Вот сердечко и лопнуло. Ну ладно, опосля поговорим. Все, что есть в печи, все на стол мечи. Гостей нужно угощать.

Игнат растерянно оглянулся на дочку.

– Это... Наверное, ничего нет, – развел руками Игнат. – Мы же сразу с порога отправились на мазарки. Проходите. Сейчас Катюшка наварит картохи. Я в погреб спущусь. Авось, соленые огурцы да помидоры есть. Сами должны понять...

Он виновато глянул на соседей.

– Ай, что без нас бы делал! – выступил вперед высокий худой дядька Илья и протянул большой сверток. – Вот на первое время. А там уж сам займешься хозяйством.

Следом за ним стали протягивать свертки, кульки и мешки другие соседи.

– Ничего, Игнат, пробьемся, как у нас говорили, – сказал Назар Иванов. – И не такое выдерживали. Настасья, помоги собрать на стол. А мы пока на крыльце покурим.

Ребяташки кинулись вслед за теткой Настей, но Катюшка шикнула на них, и они помчались в сторону речки Ветвянки.

Мужики степенно стояли и разговаривали. О чем они могли вспоминать, эти бывшие фронтовики? Даже не бывшие, а настоящие и будущие, потому что

проклятушая война до последнего дня будет напоминать о себе. И говорили про войну. Тяжелый разговор был, медленный. Скажут и молчат, пыхая самокрутками. Скажут — и снова тишина. А слова будто камни ложились на душу, и не сдвинуть их, не скинуть этот тяжелый груз. И невольно подняли головы, когда над ними раздалось курлыканье.

— Так и летят журавушки, — кто-то вздохнул. — Вроде война закончилась, а они летят. Души тревожат. И плачут с небес, о себе напоминая. И самому плакать хочется, да слез нет. Выжгло горем слезы-то. Глядишь на журавушек, аж сердце заходится. Сколько же еще будет их — не счесть...

— Да, что ни говори, а досталось нам, — задумчиво сказал дядька Илья. — Большую цену уплатили за нашу победу. Я всех сыновей проводил на фронт. А потом и сам подался за ними. Как я могу в избе сидеть и чай распивать, когда мои сынки сражаются с фрицами проклятыми. Поехал в военкомат, а меня гонят оттуда. Куда ты, старь, собрался? Ты в гражданскую отвоевал свое. С бабкой дома сиди. И ни в какую не хотят брать. Я кошки в дыбошки. Говорю, у меня все сыновья на фронте, а я дома должен отсиживаться? Если не пустите, я самому товарищу Сталину напишу. Вы мой характер знаете, в рот пароход! И все же меня взяли. Хотели в обоз определить, а я взбеленился. Меня, чапаевца, и в обоз? Да я растуды вашу телегу! И добился. В пехоту попал. Там и воевал, покуда в госпиталь не попал. Врачи только глаза вылупили, что я не только живой остался, но и ругался, аж уши в трубочку сворачивались. А потом списали меня. Вчистую. Но все же я успел фрицев поганых накрошить вволюшку. Перед сынами не стыдно стоять и в глаза им смотреть. Да уж, война проклятушая! Натворила ты делов. Горя столько принесла, что хлебать и не расхлебаешь.

Он замолчал. Закурил. Пыхнул два-три раза вонючим дымом и задумался, забыв о самокрутке.

— А я не успел повоевать, — вздохнул Назар Иванов, опираясь на длинную палку. — В самом начале, когда попал на фронт, шли сильные бои с фрицами. Они прорывались, а мы пытались сдержать наступление. В одном из боев решили врукопашную сойтись. Едва кинулись, а тут по нашей роте ударили из орудий. Там взметнулась земля, тут столб поднялся. А мы все равно вперед пошли. Как шарахнуло возле меня, дружка моего убило, а у меня перед глазами вспышка. И я куда-то полетел. Очнулся уже в госпитале. Хочу глаза открыть, и не получается. Хвать рукой, а у меня половина лица в бинтах. Все бы ничего. А когда бинты сняли и я глянул на себя, хотел в окно кинуться. Не потому, что все лицо в шрамах, а потому, что глаза потерял. Как в густом тумане смотрю. Как же мне жить в деревне-то? Как я буду на тракторе работать? Ведь молодой еще, а уже почти слепой. Завыл. Вообще не хотел домой возвращаться. Да старая санитарка все же уговорила. Что мать ждет. Главное, что живым вернусь, а не журавушкой полечу. Долго она говорила. У самой мужик помер, а дети курлыкушками поднялись в синь небесную. Одна на белом свете осталась. Так я и отправился домой. А теперь радуюсь. У меня малец подрастает. А скоро еще один будет. Радуюсь, а ночами продолжаю воевать. И всякий раз вижу, как мой дружок погиб на моих глазах, а я ничего сделать не смог. Эх, война...

Он опустил голову и принялся ширкать концом палки по земле.

— Ладно, живой остался, — кто-то сказал. — А мог бы журавушкой подняться в небеса. И курлыкал бы оттуда. И тревожил бы души людские...

– Мужики, лучше посмотрите, как наши бабы похорошели, когда солдаты стали возвращаться домой, – сказал Егор Наумов. – Расцвели они. Пусть мужик или отец и сын не вернулись, а они радуются за других. Плачут о своих, но радуются за наших баб. Улыбки на лицах появились. И смех слышен. Война же закончилась, братцы! Мы победили – это главное!

Сказал и нахмурился.

– Долго еще собираетесь стоять? – Заскрипела дверь и выглянула соседка. – Игнат, приглашай гостей в свой дом. Мы уже с Катюшкой стол стотовили. Хорошая у тебя помощница выросла, Игнат, работающая! Ну, зови-зови...

Глянула на двух журавлей, что кружились неподалеку, зябка повела плечами, словно замерзла, и скрылась в избе.

– Братцы, проходите, – как-то неуверенно сказал Игнат. – Пропустим по стопочке.

И принялся подгонять мужиков. Он уж отвык от застолий.

Остановился, осматривая стол, заставленный разнокалиберными щербатыми тарелками, чашками, где исходила паром картошка в мундирах, а там стояли соленые огурцы и помятые помидоры. К одному прилип листок. А в тех чашках – квашеная капуста. И на других тарелках горки рыбьей мелочевки. Хлеб лежал. А рядом с ним – немного пожелтевшего соленого сала. Видно было, что всем миром встречу делали. Ведь не зря же каждый приходил со свертками да кульками, а некоторые несли немного хлеба, завернутого в холстину, и что-то еще в мешках.

Игнат невольно сплотнул слюну. Картошка ночами снилась. И запах ее чуял, когда поутру открывал глаза. И вкус огурцов чуял. Дашутка всегда совала какие-то корешочки, травку, дубовые листочки. Хрустишь одним, а рука уже за другим тянется. А сейчас помогли соседи. Эх, жизнь!..

– Ну, солдат, выпьем за твое возвращение, – поднялся дядька Илья. – Одолели супостата! Ничего, Игнат, пора привыкать к мирной жизни. И ставить на ноги ребятишек.

Все выпили. Потянулись к закуске, но брали всего лишь чуточку. Сунут крошку в рот и смакуют.

– Ну, мужики, за тех, кто лег во сырую землю ради нашей победы и поднялся в синь небесную, – снова встал дядька Илья. – За всех журавушек. За души солдатские...

Снова выпили. И опять крошечку в рот, и катают ее.

– А теперь за Дарью Ивановну, которая до последнего своего часа ждала тебя, – тетка Настасья подняла стопку. – Каждый день выходила на дорогу и ждала. А когда ты не писал месяцами, она не верила, что погиб. И ждала, несмотря ни на что. Других поддерживала, а себя не уберегла. Светлая память Дарьюшке...

Выпили. Закряхтели, мельком посматривая на хмурого Игната, который, словно невзначай, махнул рукавом по глазам и опустил голову.

– Может, покурим? – кто-то предложил.

Все потянулись к выходу.

Одни сидели на крыльце. Другие привалились к завалинке. Некоторые присели на корточки. Доставали курево. Угощали друг друга. И снова нескончаемые разговоры обо всем и о войне – тоже.

– Я за всю войну ни разу земляка не встретил, тем более из нашей Васильевки, – запыхал Роман Шаров. – Сколько повсюду спрашивал, а есть ли из наших мест, но никто не повстречался.

– А мне удалось столкнуться с Иваном Жуковым, который в райцентре на току работал, – задумчиво сказал Петр Макаров. – Я из госпиталя сбежал после контузии. Зрение и слух чуток восстановились. Сам целый, а что мне слух да глаза? Я и так могу стрелять. Глаза лучше видели, чем я слышал. И вернулся к нашим. Как же я без них буду? Когда остановились в одной из деревень, кто-то меня хлопнул по плечу, а потом принялся тискать. Чуть ребра не переломал. Гляжу, вроде Жуков, а голос едва слышу. Ничего не могу разобрать. Кричу ему, что оглох опосля контузии. Говорю, куда ты идешь. Он говорит и говорит, а потом понял, что я не слышу его, тогда показал рукой в сторону фронта. До меня дошло, что они движутся на фронт. А тут позвали его. Он оглянулся. Махнул рукой. Облапил меня. Снова что-то стал говорить и тыкать пальцем в сторону тыла. Видать про родных говорил. Обнял меня и побежал догонять своих. С той поры его не видел. И в райцентр заезжал, как вернулся. Разыскал жинку. Сказала, что Иван без вести пропал. И показала казенную бумагу. Глянул на число. Аккурат в то время, когда мы свиделись. Жинке рассказал, что видел его. Обрадовалась! А потом заплакала. Так и ждет его. И я жду. Может, объявится..

Сказал – и взгляд в землю.

– И дядька Ерохин сыновей ждет, – кто-то вздохнул. – Ушли в начале войны. И тоже пропали без вести. Но Ерохин все равно ждет. Мало ли что могло с ними случиться. И правильно делает, что не верит, что они журавушками поднялись в синь небесную. И другие ждут, даже на кого похоронка пришла. А иначе нельзя.

– И Ефим Фадеев тоже ждет, – неожиданно сказал дядька Илья. – Как утопла его Марийка, так он в камень превратился. Придет к Ветвянке. Сядет на бережку и разговаривает с ней. Сказал, если Марийку не нашли, значит, она осталась для меня живой. Ну и правильно. Люди должны верить и ждать. Пусть так и будет..

Они еще долго сидели во дворе. Редкий раз заходили в избу. Садись за стол. И снова во двор. Говорили и говорили, будто целую вечность не виделись. А может, правда, целую вечность..

Солнце клонилось к закату, когда гости потянулись со двора. И каждый норовил потрепать за плечо или облапить Игната. И было видно, что они радовались его возвращению. Радовались, что живым вернулся, а не журавушкой в небесах..

Игнат проводил гостей. На улице уже повечерело. Потянул ветерок. Зябко стало. Он зашел в избу. Катюшка убирала со стола. Махнула ему, чтобы не мешался. Петька где-то носился с дружками. Прибежит. Схватит

кусок – и обратно. Игнат поймает его. Прижмет. А Петька дичится. Вырвется. Отбежит в сторону. Постоит, посмотрит на него исподлобья, а потом снова торопится к друзьям. Оно и понятно. Петька сосунком был, когда Игнат ушел на войну, а сейчас-то вон как вырос. Скоро его догонит.

Игнат потоптался по избе. Набросил фуфайку на плечи, покрутил пилотку в руках, но надевать не стал. Повесил на гвоздь, а сам старую шапку отряхнул и нахлобучил на затылок. Вышел во двор. Уселся на крыльцо. Закурил. Осмотрел заросший сорняками двор. Садик, что был за забором. Глянул на картофельное поле. Картоху убрали. Было заметно, сажали мало. Да и откуда взять семена, если на еду картошки не было. Уродилась мелкая. Ничего, и такую съедим за милую душу. Нужно баньку подлатать. Негоже в соседскую бегать. И сарайкой надо заняться. Покосилась, что дверь не закрывается. Были бы руки, а работа всегда найдется..

– Ну, здравствуй, Игнат, – прервал думы уставший медленный голос, и он увидел, как распахнулась калитка и во двор зашел председатель. – С возвращением! Извини, раньше не получилось зайти. Замотался по работе.

– Здравсьте, Роман Тимофеич, – Игнат поднялся. Протянул руку. Поздоровался. – Может, по стопочке опрокинем? С устатку и возвращение отметим. Гости разошлись. А я сижу и не могу привыкнуть к этой тишине. Кажется, сейчас прозвучит команда, и мы пойдем в атаку. Айда, Тимофеич, опрокинем по стопке.

– Потом отметим, – устало сказал председатель. – Осень на дворе. Работы непочатый край. Каждые руки на вес золота. Молодец, Игнат, что вернулся. Жаль, Дарья не дождалась, – он вздохнул. – Чем заниматься собираешься?

Он глянул на Игната.

– Не знаю, – пожал плечами Игнат. – Была бы Дашутка, я бы не думал. Она всегда находила работу. А сейчас сижу, и мысли разбегаются. Не знаю, за что братья.

Игнат нахмурился. Глянул на запущенный двор и глаза в землю.

– С неделю отдохни, – медленно сказал председатель и растер воспаленные глаза. – Дома и во дворе наведи порядок. Не дело, когда весь двор репы заполонили. А потом собери бригаду. Даже фронтовиков покалеченных возьми. Пусть без руки или ноги, культышки торчат, но возьми. И негоже, что остались без работы. Ты найдешь к ним подход. Возьметесь за коровник. Нужно утеплить к зиме. Старики говорят, лютая будет. А коровенки худые – кожа да кости. До зимы сделаете, а потом клуб нужно подправить. Фронтовики возвращаются, а собрание провести негде. Да и лекции можно читать. Глядишь, какой-никакой фильм достану. Наши уж соскучились по ним. И на току много работы. Вообще, работы непочатый край. Вот и сколоти бригаду, да займитесь делом.

Он снова растер лицо ладонями.

– А потяну ли я? – засомневался Игнат. – Ведь столько лет за топор не брался.

– Тебе ли говорить, что не справишься, – первый плотник в районе, – устало усмехнулся председатель и протянул жесткую ладонь. – Ну, договорились? Собирай бригаду и...

– Договорились, – кивнул Игнат. – А с вас материалы и прочие дела.

– Ох, какой быстрый! – поднялся председатель. – Ладно, поговорю с Ерохиным. Пусть мотается по начальству. Он пробивной. Достанет. Да, чуть не забыл... Я велел вам продукты выделить. Голодно, но поможем. Завтра привезут.

И председатель зашагал дальше.

Игнат сидел и курил. Думал о председателе и работе, какую предложил. Оглядывал двор и прикидывал, успеет ли за неделю справиться. И снова думы возвращались к жене, которая ушла в мир иной, и детям. Как жить станут без нее?

Заскрипела дверь. Донеслись легкие шаги. Катюшка присела рядом с ним. Прижалась к руке и притихла.

Он тоже молчал. Искоса посматривал на дочку, которая была похожа на мать. Тихонечко вздыхал. Закуривал, отгоняя дым в сторону, и продолжал молчать.

С треском распахнулась калитка. Влетел Петька. Чуть не растянулся на земле. Подтянул большие потрепанные штаны и тут увидел батю, который сидел с Катюшкой на крыльце. Петька остановился. Оглянулся, словно сбежать хотел. Потоптался на месте. Покрутил головой в пилотке. И, насвистывая, пошел к крыльцу. Молчком приткнулся с другого бока. Игнат обнял его. Петька отдернулся было, но притих, а потом сам прижался к отцу и сидел не шелохнувшись.

Игнат крепко прижимал ребятишек к себе. Слушал засыпающую деревню. Смотрел на выясненное небо, где повсюду полыхали мириады звезд. Тишина такая, аж в ушах звенело. Где-то забрехала собака и тут же умолкла. Откуда-то донесся голос. А там неожиданно затянули старинную песню – долгую и берущую за душу. Он сидел. Рядом притихли ребятишки, словно опасались нарушить эту самую тишину. Над головой звезды полыхали. А на душе был покой.

– Все, я вернулся, – едва слышно сказал он, и ребятишки услышали его и еще крепче прижались к нему. – Будем жить. Тяжело или нет, но – жить. А иначе нельзя.

Наконец-то он вернулся домой, где его ждали...

Сага о Корне Старого Дуба

**Васильев
Вячеслав Юрьевич**

Часть первая. Глубинное Плетение

В те времена, когда мир был одновременно и старше и моложе, чем сейчас, на склоне холма, откуда виднелась речная излучина, подобная серебряной улыбке земли, стоял Великий Дуб. Никто из людей, даже самые седые старики, что опирались на посохи из его же упавших ветвей, не помнили его желудем. Он был всегда. Его крона была целым миром для птиц, его кора – городом для мхов и жуков, а его тень – благословением для усталых путников и пасущихся стад.

Но истинная жизнь Дуба, его мощь, его память и его воля обитали не наверху, в переменчивом объятии воздуха, а внизу, в великом безмолвии земли. Там, во тьме, прохладной и вечной, раскинулось то, что сами они называли Глубинным Плетением – царство его корней.

Это был не хаос перепутанных отростков, но сложнейшее, мудрое государство. Были здесь Корни-Якоря, толстые, как руки гиганта, вросшие в самое каменное лоно холма, державшие Дуб в равновесии против ярости бурь. Их мысли были медленны, тяжелы и непреклонны, как валуны, которые они обвивали. Были Корни-Искатели, тонкие и чуткие, словно нервы, что тянулись на десятки саженей во все стороны, пробуя землю на вкус, отыскивая живительные ручейки влаги и россыпи драгоценных солей. Их думы были быстрыми, как бег подземной воды, полной новостей и предчувствий. А между ними всеми простиралась мириады тончайших волокон, Корней-Собирателей, что впитывали жизнь и передавали ее вверх, к стволу, в едином несмолкаемом гуле служения.

Они говорили друг с другом. Не словами, нет. Их речь была током соков, медленным давлением роста, вибрацией, что проходила сквозь плоть земли. Они знали все, что должен знать корень: мудрость глины, что хранит влагу; вероломство песка, что отдает ее слишком легко; тихий сон камня, что делится своей силой по крупитцам в течение столетий. Они помнили засухи, что заставляли их уходить в самые потаенные глубины, и щедрые дожди, что наполняли их хмельной радостью роста. Их высшей добродетелью была верность Плетению. Их божеством был Ствол. Их целью была жизнь Дуба.

И все они были довольны своей судьбой, своим местом в великом порядке вещей. Все, кроме одного.

Его звали Корней. Он не был ни самым сильным, ни самым длинным, но он был иным. В юности, по случайности роста, он наткнулся не на камень или пласт глины, а на истлевшее тело другого корня, пришельца, – тонкого и гибкого корня дикой яблони, что когда-то росла на этом склоне, но не выдержала соседства с могучим Дубом. Прежде чем истлеть до конца, тот чужак передал Корнею нечто, чего не было в медлительной, основательной памяти Плетения: беспокойное, щекочущее воспоминание о сладком соке, о пьянящем аромате цветов, о чем-то легком, ярком и трагически недолговечном.

С тех пор Корней стал мечтать.

Его мечта была ересью для Глубинного Плетения. Он мечтал не о том, чтобы глубже впиться во тьму, а о том, чтобы увидеть то, что питает листья. То, что они называли Солнцем. Он желал не чувствовать воду, а ощутить на себе ее падение с неба. Он хотел знать, что такое Ветер, не по гулу в Стволе, а всем своим существом.

«Глупец, – гудел ему в ответ старый Корень-Якорь, чья древесина была почти так же тверда, как гранит, который он сжимал. – Наша сила во тьме. Наша мудрость в неподвижности. Свет – это пустота. Ветер – это безумие, что ломает ветви. Все, что есть наверху, – лишь короткий танец мотыльков. Мы – вечность».

«Ты предаешь Плетение, – шелестели тонкие Корни-Искатели, принося ему пресный вкус глубоких вод, лишенных примесей верхнего мира. – Каждый из нас – нить в общем полотне. Твои думы распускают ткань. Пей глубинную влагу. В ней покой и истина. Забудь о поверхностных ручьях – они полны тщеславия и солнечной отравы».

Они были правы. Их мудрость была выстрадана веками. Они знали, что корень, случайно оказавшийся на поверхности, сохнет и увядает в считанные часы. Они приводили в пример тонкие корешки травы, что живут один сезон, пьют дождевую воду и ничего не знают о настоящей, терпеливой силе. Они учили его гордости за свое служение, за ту невидимую миру работу, без которой не было бы ни величественной кроны, ни семени, дающего новую жизнь.

И Корней почти верил им. Он старался впиваться в землю с усердием, радоваться прохладной тяжести глины, находить удовлетворение в медленном, могучем гуле общего бытия. Он даже пытался свысока смотреть на корни сорняков – этих выскочек, что живут так близко к поверхности, в вечной тревоге и суете.

Но все было тщетно.

Каждый раз, когда теплый весенний ливень промачивал землю, он жадно впитывал капли, еще не остывшие, еще помнящие свое падение, и ему казалось, что он чувствует прикосновение неба. Каждый раз, когда жаркий летний полдень прогревал верхний слой почвы, он тянулся к этому теплу, как цветок, хотя другие корни искали спасительной прохлады в глубине. Он научился различать вибрации: вот тяжело ступает копыто коровы, вот дробно бегут лапки зайца, а вот – самое сладкое – почти неощутимая дрожь от

упавшего с ветки листа, который теперь лежит на земле и тихо беседует с ветром.

Он стал слушать. Другие корни слушали землю. Он слушал небо сквозь землю. И в этом были его ересь и его восторг.

Часть вторая. Шепот чужого мира

Время текло своим подземным чередом. Наверху сменялись десятки поколений людей, Дуб ронял тысячи желудей, а Глубинное Плетение становилось все мощнее и мудрее в своей темноте. А Корней становился все более чужим самому себе.

Его мечта обрела голос. Этим голосом был ветер. Когда тот налетал с особенной силой, весь Ствол начинал гудеть, и этот низкий, вибрирующий гул доходил до самых глубин. Другие корни воспринимали его как предупреждение об опасности, как призыв напрячься и крепче держать землю. Корней же слышал в нем песню.

Песню о просторах, о соленых брызгах далекого моря, о холоде горных вершин, о пыльце диких цветов, которую ветер нес в своих невидимых ладонях. Он закрывал свои внутренние «уши» от мудрого ворчания собратьев и отдавался этой музыке без остатка.

Иногда в его мир вторгались вестники. Однажды крот, роя свой слепой тоннель, прошел вскользь по телу Корнея, на миг обнажив крохотный его участок. Это было лишь мгновение, но оно опалило его. Внезапный удар света, пусть и рассеянного в земляном туннеле, хлынувший поток воздуха, такого разреженного и легкого, что казалось, он лишен всякой плоти, — все это потрясло Корнея до самой сердцевины. Крот ушел, земля осыпалась, закрывая рану, но память осталась. Память о Другом.

Старый Корень-Якорь почувствовал его трепет.

«Это была боль, — прогудел он с отеческой строгостью. — Это была рана. Верхний мир враждебен нашей природе. Он несет лишь забвение. Твоя тяга к нему — это как пустить соки в пустоту, отречься от самой сути жизни».

«Но это было... живо, — прошептал в ответ Корней. — Это было так... быстро. словно вся жизнь Плетения за один удар сердца».

Никто его не понял. Его сочли больным, отравленным соками того гнилого яблоневого корня из его юности. Его старались лечить: направляли к нему потоки самой чистой, самой глубокой воды, окутывали его

успокаивающим молчанием самой плотной глины. Но это было все равно что пытаться утопить жажду огня.

Тогда Корней решил на немислимое. Он начал расти вверх.

Это было противоестественно, больно и неимоверно трудно. Вся сила, вся логика его существа требовали двигаться вглубь или вширь, туда, где влажно и питательно. Он же, изгибаясь, напрягая каждую свою жилку, боролся с гравитацией, с плотностью почвы, с мудростью собственного тела. Он перестал питаться от глубоких вен, отдавая предпочтение скудным крохам, что просачивались сверху. Он стал тоньше, слабее, его древесина потеряла былую упругость.

Глубинное Плетение сперва увещевало, затем осуждало, а потом и вовсе отвернулось от него. Он стал изгоем. «Пусть идет, – решили Корни-Якря. – Он сам избрал свой путь к иссушению. Наша задача – заботиться о Стволе, а не о безумце, что променял вечность на химеру». Они перенаправили потоки соков в обход него, изолировали его от общей сети, словно зачумленного.

Корней остался один. Его единственными собеседниками стали вибрации сверху и редкие слабые токи влаги, что несли в себе вести о солнце, дожде и живых существах Верхнего мира. Он научился понимать язык дождевых червей – этих вечных путешественников между верхом и низом. Они рассказывали ему о вкусе палой листвы и о том, как пугает их свет, когда плуг выворачивает их наружу. Их страх был для Корнея слаще самой заветной мечты.

Он тянулся вверх, сантиметр за сантиметром, год за годом. Он уже был так близко. Почва над ним стала совсем рыхлой и теплой. Иногда он чувствовал, как ее проминают чьи-то босые ноги, и этот мимолетный контакт с живым теплом был для него высшей наградой. Он был почти у цели. Он не знал, что его ждет, но был готов принять все.

Он ждал своего часа. И час этот настал в ночь самой страшной грозы, какую только помнил холм.

Часть третья. Небесный Огонь и Разлом

Гроза началась под вечер. Небо из синего стало лиловым, затем свинцовым. Ветер, давний собеседник Корнея, перестал петь. Он завыл. Этот вой был полон не песни, а ярости. Крона Дуба отвечала ему тревожным ревом, Ствол гудел так, что земля дрожала, и даже самые глубокие Корни-Якоря напряглись до предела.

Для Глубинного Плетения это было время величайшего испытания и величайшего служения. Все мысли корней, вся их воля были сосредоточены на одном – удержать. «Держать!» – этот безмолвный приказ прокатывался по всей сети. Они впивались в землю, превращаясь в единый монолит с холмом. Каждый корень, каждый волосок был натянут, как струна.

Один лишь Корней не участвовал в общей работе. Он тоже дрожал, но не от напряжения, а от жуткого восторга. Он был так близко к поверхности, что чувствовал каждый удар каплей дождя о землю как личное прикосновение. Влага, пропитавшая тонкий слой почвы над ним, была почти горячей от заключенного в ней небесного электричества. Он слушал бурю не как угрозу, а как откровение.

А потом это случилось.

Не было ни звука, ни грохота в том виде, в каком его знают наверху. Для корней это был разряд слепящей, невысказанной энергии, пронзивший мир от неба до самых недр. Белая раскаленная игла света ударила в самую вершину Дуба.

На мгновение все Плетение ослепло и оглохло. Единый гул служения сменился мучительным стоном, будто рвались тысячи невидимых нитей. Вибрация прошла по Стволу, но это была не вибрация от ветра. Это был последний вздох могучего гиганта. Ствол, сердце их мира, треснул. Раскололся от верхушки до самого основания.

И вместе с ним раскололась земля.

Трещина прошла через холм, словно треснуло зеркало мира. Она рвала почву, разбрасывала камни, разрывала Глубинное Плетение, как паутину. Великий вековой порядок был сокрушен в одно мгновение. Корни-Якоря,

столкнувшись с силой, превосходящей их понимание, ломались с сухим костяным треском. Корни-Искатели, обнаженные, скручивались в незнакомой им воздушной среде. Великое государство корней превратилось в поле бойни.

Трещина прошла точно там, где Корней, ослабленный и упрямый, тянулся к своей мечте. Земля под ним и над ним разверзлась.

И Корней увидел.

Первое, что он ощутил, был не свет, а пустота. Шокирующее, невыносимое отсутствие привычной тяжести, плотности, опоры. Его тело, созданное для того, чтобы ввинчиваться в твердь, оказалось подвешенным в Ничто. А затем на него обрушился мир.

Мир состоял из яростного движения воздуха, хлещущих потоков воды и света. Этот свет не был тем ласковым теплом, что он рисовал в воображении. Это было буйство холодных белых вспышек, режущих тьму и обнажающих все с безжалостной ясностью. Он видел своих собратьев, их искаженные беспомощные тела, вывороченные из родной стихии. Он видел камни, которые почитал за символ вечности, разбросанными, как щепки. Он видел нутро своего мира, вывернутое наизнанку.

Он видел Небо.

Оно было живым, дышащим, яростным. Оно не было спокойной синевой, о которой шептали дождевые черви. Оно было кипящим котлом из черного и фиолетового, прочерченным огненными венами молний. И оно было безграничным. Эта безграничность пугала и пьянила одновременно. Его сознание, привыкшее к тесным ходам и медленному росту, не могло охватить этот простор. Он задыхался от него.

Гроза стихла так же внезапно, как и началась. Ветер сменил вой на тихое всхлипывание. Тучи начали расходиться.

И в разрыве между ними Корней увидел луну.

Она не была похожа ни на что из его снов. Это был не источник тепла, а ступок холодного серебряного света, висящий в бархатной черноте. И вокруг нее были звезды. Не просто точки света, а мерцающие, дрожащие, живые огоньки, разбросанные по бездне с немислимой щедростью.

Он, Корень, созданный для тьмы, смотрел на звезды. Его мечта оказалась и грандиознее, и страшнее, чем он мог себе представить.

Часть четвертая. Озарение и Увядание

Наступило утро. С первыми лучами мир преобразился снова. Холодный серебряный свет сменился теплым, золотым. Корней впервые почувствовал Солнце не как далекое тепло сквозь толщу земли, а как прямое прикосновение. Оно было ласковым и одновременно губительным.

Его тонкая кожа, никогда не знавшая ничего, кроме влажной прохлады, начала съезживаться. Влага, его кровь, его жизнь, стала покидать его с ужасающей скоростью. Он ощущал, как его тело деревенеет, становится хрупким. Мечта, ставшая явью, иссушала его.

Но в этом увядании было и высшее знание.

Он увидел цвета. До этого его мир состоял из оттенков плотности и влажности. Теперь он видел зелень травы, мокрой после дождя, синеву неба, белизну облаков, рыжий бок пробежавшей мимо лисы. Эти цвета были музыкой, которую он не слышал, но видел.

Он почувствовал ветер по-настоящему. Ветер больше не был гулом в Стволе. Он был живой сущностью, что гладила его, трепала, уносила с его поверхности последние капли влаги и шептала ему истории. Теперь Корней понимал его язык без помех. Ветер рассказывал о том, как нес семечко одуванчика через реку, как играл с волосами смеющейся девочки, как пахнет сосновый бор после грозы. Корней слушал, и знание всего мира вливалось в его усыхающее тело.

Он видел полет. Птица села на обломок ветки рядом с ним. Он видел, как она расправляет свои крылья, как отталкивается от опоры и взмывает в воздух, в ту самую пустоту, что так напугала его ночью. И он понял. Он понял, что свобода – это не отсутствие тяжести, а умение доверять этой пустоте, опираться на невидимые потоки воздуха.

Он смотрел на расколотый Ствол, на свое мертвое божество. И впервые не почувствовал ни благоговения, ни ужаса. Он увидел, что Ствол был не целью, а лишь путем. Мостом между двумя мирами – его темным, надежным

миром Плетения и этим светлым, безграничным, смертоносным миром неба. И он, Корней, в свой последний час прошел по этому мосту до конца.

Другие корни, те, что уцелели в глубине, чувствовали его агонию. Для них это было последнее, неопровержимое доказательство его безумия.

«Слышите? – вибрировали их слабые импульсы. – Это крик выскочки, что коснулся пустоты. Небо сожгло его. Воздух иссушил. Он предал тьму, и тьма исторгла его». Их мудрость восторжествовала в трагедии. Они видели лишь финал жизни, не видя откровения.

Корней уже не слышал их. Он был слишком поглощен своим последним видением. Он видел, как от мертвого Ствола откалываются щепки и кора. Видел, как ветер подхватывает уцелевшие на ветках семена-крылатки и кружит их в танце, унося далеко-далеко, чтобы дать начало новой жизни. В этом полете он узнавал свою собственную мечту. Он летел вместе с ними.

Его сознание угасало, превращаясь из острого, личного переживания в часть общего пейзажа. Последней его мыслью было не сожаление, а благодарность. Он, корень, увидел звезды. Этого было достаточно. Его тело, высохшее на солнце, хрупкое, как осенний лист, потрескалось и стало частью земли, на которой лежало.

Часть пятая. Новое Плетение и Эхо в Земле

Прошли годы. Люди распилили и увезли остатки могучего Дуба. Холм понемногу затягивал свой шрам. Буйные травы и кустарник скрыли место разлома. Глубинное Плетение не погибло до конца. Та его часть, что уцелела в глубине, выжила. Она питала теперь не великий Ствол, а лишь несколько тонких побегов, выросших из общего основания. Это было уже не царство, а лишь тень бывшего могущества.

Но мудрость их не изменилась. Напротив, она стала еще более твердой и непреклонной. История Корнея превратилась в страшную легенду, в притчу, которую они рассказывали молодым корешкам, едва те начинали пробиваться сквозь почву.

«Был среди нас один, – гудели старые корни, передавая свой опыт новым поколениям, – что возжелал света. Он презрел благословенную тьму, что дает силу и жизнь. Он променял служение Плетению на пустую песню ветра. Он тянулся к пустоте, и пустота поглотила его. Его тело сжег огонь небес, а его память стала предостережением. Помните о Небо-Искателе. Впивайтесь в землю. В глубине – спасение. Наверху – лишь гибель и забвение».

И молодые корни слушали и впитывали эту мудрость. Они учились бояться тепла, что проникает слишком глубоко, избегать воздушных карманов в почве, считать вибрации от мира наверху предвестниками беды.

Но иногда, очень редко, самые молодые и чуткие корешки, прорастая сквозь тот участок склона, где когда-то высох и рассыпался в прах Корней, вдруг замирали. Они впитывали влагу из этой почвы и чувствовали в ней странный, едва уловимый привкус. Привкус, которого не было больше нигде.

В нем не было ни солей, ни минералов, ни знакомой пресности глубинных вод. В нем было нечто иное. Эхо восторга. Призрак полета семечка. Воспоминание о свете звезд, отраженном в капле росы.

Молодой корень не мог понять, что это. Он не мог облечь это в мысль, ведь в языке Глубинного Плетения не было слов для таких ощущений.

Это было просто странное, необъяснимое, щемящее чувство – тоска по чему-то, чего он никогда не знал и знать не должен был.

Он отшатывался от этой почвы, испуганный непонятым зовом, и устремлялся глубже, туда, где царили покой, тьма и проверенная веками мудрость. Он спешил забыть этот странный вкус, эту тревожащую ноту в великой симфонии служения.

Но эхо оставалось.

И никто в мире, ни наверху, ни внизу, не знал, что Великий Дуб, погибнув, оставил после себя не только побег от старого пня. Он оставил еще и легенду о предателе, что стала законом.

И крохотное, почти неслышное эхо мечты, растворенное в горстке земли на склоне холма.

Сказки и рассказы

**Рощина
Елена Владимировна**

Неприветливая гусеница (детская сказка)

В одном небольшом городе, у пожилого частного дома росла стройная берёзка, а на ней нашла свой приют полосатая гусеница. По своему характеру она была необщительной, угрюмой и нелюдимой.

Ранним утром она спускалась вниз на большой лист лопуха и смотрела на своё отражение в капельках росы. Видимо, ей не нравилось то, что она там наблюдала... Невесёлая, она возвращалась в своё жилище – на берёзку.

– Здравствуй, соседка! – на заре кричал ей паучок, который жил на чердаке пожилого дома.

Но гусеничка хмурила брови и отворачивалась в сторону.

– Доброе утро, гусеничка! – приветствовали нашу героиню пролетающие мимо бабочки.

Но неприветливая молчала. И только как-то странно поджимала губы и долго смотрела вслед ярким красавицам.

Кто же знал, что втайне она восхищалась их изяществом и хотела хоть капельку быть на них похожей!

Этим утром она, как всегда, спустилась на лист лопуха, чтобы взглянуть на своё отражение. Но мимо проходящие мальчишки заметили гусеницу. Один паренёк посадил её на ладошку и отнёс в помещение. Он нашёл большую хрустальную вазу и заточил туда пленницу.

Несчастливая весь день пыталась выбраться на свободу. Но стенки вазы были очень скользкими, и лапки вынужденно съезжали вниз.

Паучок-сосед заметил, что неприветливая гусеничка куда-то исчезла.

«Где же она? Где же?» – Беспокойство овладело им.

Перебравшись на берёзку, он стал высматривать пропавшую... И вдруг заметил у распахнутого окна на столе вазу, а в ней – потерявшуюся соседку.

Паучку стало жаль невольницу, он пробрался в комнату и опустил на дно вазы паутинку, а другой её конец закрепил на веточке берёзки.

– Выбирайся поскорее! – прошептал он.

Тут вернулись мальчишки. Паучок не посмел больше спуститься в комнату.

Пленница потянула паутинку что есть силы, но паутинка не выдержала – оборвалась и упала в вазу. К окну подошла мама мальчиков, она закрыла раму и велела сыновьям ложиться спать. Свет выключился, и всё стихло. Только гусеничка не могла уснуть, ей было горько и тоскливо, она хотела поскорее вернуться домой. А ещё она страшно устала и замёрзла. Гусеничка стала укутываться в паутинку – обматывать своё полосатенькое тельце. Через некоторое время она была будто в тёплой шубке. Несчастливая пригрелась и заснула.

Утром в окошко заглянул первый солнечный лучик и пощекотал нашу героиню за носик. Гусеничка проснулась, огляделась и почувствовала: что-то странное с ней происходит. Она спешно сняла с себя паутинку и...Что такое? Наша гусеничка вспорхнула, вылетела из вазы и опустилась на подоконник.

В комнату вошла мама ребятшек. Велела им просыпаться и распахнула окно.

Нашей гусеничке это и было нужно. Она вырвалась на волю. Радостная, сев на лопух, она стала рассматривать в капельке росы своё отражение. Но это была не полосатая гусеничка. А очаровательная бабочка с прекрасными разноцветными крылышками.

– Теперь я бабочка! Бабочка! – воскликнула она.

Её счастье и восхищение было неизмеримо. Она взлетела к чердаку и закричала:

– Здравствуй, милый сосед! Это я – гусеничка! Спасибо за паутинку!

Но паучок сильно удивился: он ничего не понял. Он просто смотрел на чудесную бабочку и улыбался.

Потом наша красавица полетела дальше. И по пути приветствовала всех, кого встречала.

– Здравствуйте! Здравствуйте! – выкрикивала она.

Наконец, наша героиня добралась до изумительной полянки, где было много дивных цветов, там жили бабочки, которым она часто смотрела вслед.

Бабочки с радостью приняли её в свою семью. Для ночлега наша прелестница выбрала себе ароматный лиловый цветок. Перед сном она пожелала своим подругам спокойной ночи. И со счастливой улыбкой на лице сладко заснула.

Бабочка и светлячок

Жил на свете маленький светлячок. Как и все светлячки, он очень любил ночь. Поэтому весь день спал. А вечером, когда жучки, червячки и букашечки разбредались, уставшие, по своим домикам, наш герой выбирался из уютной кровати и отправлялся по своим важным ночным делам.

Однажды он облетал знакомые окрестности и, услышав неподалёку чей-то плач, поспешил на звук. На листочке липы сидела красивая бабочка с необычными узорами на крылышках и тихо плакала.

Светлячок принёс для неё капельку росы на лепестке ромашки и напоил горемычную. И когда та немного успокоилась, спросил, что с ней произошло и почему бедняжка плачет. Бабочка ему рассказала, что летала к большому озеру, на именины дорогой подруги – стрекозы. Они засиделись допоздна, и кромешная тьма застала нашу красавицу на полпути к дому. Ночь и правда была очень тёмной и пасмурной. Хоть дождика не было, но тучки непрерывно плыли по небу. Только изредка луна выглядывала на недолгий промежуток времени.

Светлячок поинтересовался:

– А где находится твой дом?

– Мой домик – неподалёку от зарослей дикого шиповника, на земляничной полянке.

– Я знаю это место! – воскликнул Светлячок. – Лети скорее за мной!

Наш удалец включил фонарик поярче и полетел вперёд, освещая путь для дамы.

Долго ли, коротко ли, наши маленькие путешественники добрались до жилища бабочки.

– Спасибо, друг! – с восхищением и благодарностью проговорила бабочка.

И совсем неслучайно она назвала своего нового знакомого другом. Ведь только друзья приходят на помощь в сложных жизненных ситуациях.

Так и завязалась дружба храброго светлячка и красивой бабочки.

Но, как уже говорилось ранее, светлячок любил ночь, а бабочка, разумеется, день. Поэтому наши друзья встречались поздним вечером. Светлячок присаживался у кровати бабочки и рассказывал ей добрые сказки. А когда красавица сладко засыпала, Светлячок тихонько поправлял ей одеялко и отправлялся по своим важным ночным делам.

Два зайчонка

В одном лесу жила небольшая семья – зайчиха с двумя сыновьями.

Видимо, зайчата были близнецами – они как две капли воды были похожи друг на друга. Мать, конечно, всё равно без труда их различала. Возможно, по взгляду или по особенностям характера – кто же разберёт!

Вечерами семья, по обыкновению, находилась дома и укладывалась спать пораньше. А мама зайчиха всегда говорила своим деткам, что в это время выходить из дома очень опасно, потому что прожорливый волк в полутьме выходит на охоту. И поздние прогулки могут плохо закончиться.

Всё шло как обычно: мать укладывала своих близнецов спать и рассказывала им сказки на ночь. Но вдруг зазвонил телефон. Это была обеспокоенная родственница – зайчиха. У её малыша поднялась высокая температура, и она просила о помощи. Мама зайчиха строго-настрого наказала своим чадам не выходить из дому. Сложила какие-то микстуры в корзину, накинула кофточку на плечи и вышла за дверь.

Зайчатам вдруг стало очень интересно, а какой он – вечер. И что там сейчас творится, за этой самой дверью. Братья надели свои комбинезончики и шагнули на улицу.

Было сумеречно и в то же время необычно красиво. Небо было каким-то слоистым и слегка румяным, и запахи были какими-то необычными – более яркими и насыщенными. Братья ступили на траву... Она была влажная – крохотные, тёплые росинки выглядывали то тут, то там.

Мальши забыли наказ матери, забыли про осторожность. Они стали прыгать и кувыркаться в траве, хохотать и что-то выкрикивать.

Эти звуки и услышал бродивший неподалёку волк. Да и унюхал он своим носом, что тут гуляют маленькие зайчата. Волк подкрался, и был уже готов ухватить одного из несмышлёнышей. К счастью, под волчьей лапой хрустнула старая большая ветка. Зайчата оглянулись и увидели морду огромного волка. Молниеносно они рассыпались в разные стороны. Один зайчонок побежал налево, а другой направо. А пока волк думал да гадал, за

каким зайчонком ему погнаться, да крутил головой туда-сюда, зайчата благополучно добежали до дома и захлопнули за собой дверь.

И только они успели отдышаться, как услышали за дверью какие-то шорохи...

Это пришла мама.

Близнецы поскорее улеглись в свои кроватки и притворились спящими.

Мама зашла в комнату, поправила своим несмышлёньшам одеялки, погладила их тихонько. И со спокойной душой пошла спать.

Зайчиха так и не узнала о вечернем приключении своих сыновей. Зайчата решили ничего ей не рассказывать, чтобы лишний раз не расстраивать маму. Но про себя каждый зайчонок решил, что всегда будет маму слушаться.

Приключения капельки (сказки дедушки Месяца)

После длинного жаркого дня, как и полагается, наступила ночь, и на тёмно-синем небе засиял месяц.

Если вы посмотрите в волшебный телескоп, то увидите, что месяц – это древний старичок в остроконечном колпачке с козлиной бородкой, а звезды – это его внучата.

Вот эти любознательные непоседы окружили дедушку и давай выпрашивать: «Расскажи сказку! Расскажи сказку!»

Дедушка Месяц погладил седую бородку, задумчиво пощурил глаза и начал:

«Помнится мне история, которой поделилась со мной знакомая Капелька...

Неподалёку от деревушки лежало небольшое живописное озеро, круглое, как тарелочка, рядом с которым и появилась на свет наша Капелька.

Лето было уже на исходе, но деньки стояли ещё жаркие. Поздним вечером на приозёрную траву алмазным ковром легли росинки – только что родившиеся капельки. У каждой была своя судьба. Иные постепенно испарились с утренним солнцем. Но наша Капелька возникла на травинке, свисавшей прямо над зеркальной гладью озера. Малышка потянулась, огляделась вокруг: неподалёку росли деревья-великаны, по берегам озера дремал рогоз, и, слегка нарушая тишину, издавал шорохи неусыпный камыш, красочный закат разливал в небе дивные краски.

Опустив голову вниз, новорождённая заметила в воде своё отражение и отражение той самой травинки, на которой она зародилась. Но было уже сумеречно, и ей с трудом удавалось себя разглядеть. Она стала раскачивать травинку, чтобы приблизиться к природному зеркалу. Вверх-вниз, вверх-вниз колыхалась травинка... Буль! И Капелька скатилась в воду.

Так и стала наша Капелька жительницей прекрасного озера, где она нашла себе немало друзей.

Тёплые солнечные деньки сменились прохладными и серыми буднями – осень вступила в свои права. Природа стала понемногу готовиться к зиме...

Вот уже и озеро замёрзло, жизнь в нём наполовину остановилась.

Капельке было скучно. Она плавала по дну озера, разглядывая интересные ракушки и камушки. Вдруг она услышала тоненький голосок, который просил о помощи: «Помогите!!! Помогите!!! Спасите!!! Кто-нибудь!!!» Капелька стремительно поспешила в ту сторону, откуда доносился зов.

«Какая громадная Щука!» – подумала Капелька.

Хищница щёлкала острыми зубами перед затонувшим осколком стеклянной бутылки, в котором нашла убежище перепуганная до смерти маленькая рыбка. Капелька сразу узнала свою знакомую Краснопёрку, с которой не раз игрывала в прятки и догонялки.

«Помочь! Надо помочь!» – Молниеносно у Капельки созрел план.

Здесь надо бы добавить, что наша Капелька успела подружиться не только с юными рыбками, но ещё и с мудрым дедушкой Сомом, который всё на свете знал и даже умел колдовать. Он и обучил свою маленькую подругу разным премудростям. Тут-то ей и пригодилось волшебство.

Капелька как только могла надула щеки, потом хлопнула по ним ладошками и произнесла: «Акбыр!» И тут же превратилась в небольшую рыбку.

– Эй, ты, зубастенькая! Не поймаешь! Не поймаешь! – дразнила Капелька злущую Щуку.

Повернув свою длинную морду, хищница увидела почти перед своим носом аппетитную рыбку, которая показалась ей крупнее той, что укрывалась в стеклянном осколке.

– Тобой-то я и пообедаю! – прошипела Щука и, совсем позабыв дрожащую от страха Краснопёрку, пустилась преследовать нашу маленькую чудесницу.

– Спасибо тебе, милая Капелька! – прокричала маленькая рыбка своей спасительнице и спешно уплыла домой.

Моргнув три раза, Капелька приняла своё истинное обличие. А Щука удивлённо округлила глаза, потом глубоко вздохнула и, полна обиды и огорчения, уплыла несолоно хлебавши.

Вот и наступила долгожданная весна. Лёд на озере растаял, вернулись перелётные птицы, деревья и кустарники нарядились в сочно-зелёные одежды.

Капелька лежала на поверхности воды и грела свой животик в лучах ласкового солнышка. Вдруг она почувствовала себя невесомой, её подхватил озорной ветерок и понёс высоко-высоко.

Капелька зажмурилась от страха, она не знала, что такое с ней происходит и чем это путешествие может закончиться.

Наконец она почувствовала, что остановилась. Открыв глаза и осмотревшись, она поняла, что заперта в ледяной клетке – на двери висел ледяной замок. Всё было будто в тумане. Приглядевшись, она увидела множество таких же клетушек, где находились заключённые в неволю капельки. Одна из подруг по несчастью, что размещалась совсем близко, завела разговор:

– Не пугайся, мы здесь не навсегда! Я уже довольно пожилая капелька и не раз здесь бывала.

– А где мы?

– Мы находимся в белом пушистом облаке, придёт время, и нас всех отпустят...

«Кто отпустит? Когда? И зачем нас здесь держат?» – У Капельки возникали вопросы один за другим. Да и не могла она понять: как можно насильно кого-то где-то удерживать! Откуда-то издали доносился плач несчастных узниц. Капельке стало их очень жалко. Она не находила себе места. «Что же делать? Что же делать?» – повторяла она, быстро перемещаясь из угла в угол.

А клетушек с невольницами становилось всё больше и больше – белое пушистое облако росло и превращалось в тучу.

«Придумала!» – воскликнула Капелька. Надув щеки, хлопнув по ним ладошками, она произнесла: «Кичюлк!» – и тут же превратилась в ключ, парящий в воздухе.

Крохотный ключик легко проник сквозь решётку. Он стал перемещаться от клетки к клетке и открывать навесные замки, высвобождая пленниц.

Радости выпущенных на свободу не было предела: они смеялись, хлопали в ладошки, скакали, кричали: «Ура!». И само собой разумеется, благодарили свою спасительницу.

Волшебный ключик три раза ударился о прут ледяной решётки, и Капелька приняла прежнее обличие.

Конечно же, спасённые капельки не хотели ни минуты оставаться в том месте, где их насильно удерживали – они поспешили домой, посыпавшись на землю весёлым весенним дождём.

Наша Капелька тоже очень хотела поскорее попасть в своё родное озеро.

Приближаясь к дорогим сердцу местам, она увидела старичка в деревушке, что неподалёку от озера. Он прятался от дождя под яблонькой в саду и, видимо, о чём-то печалился.

Капелька устремилась в ту сторону и упала на макушку той самой яблоньки. С листочка на листочек... капелька быстро спустилась вниз и присела на плечо старичка.

– О чём пригорюнился? – прошептала она дедушке на ухо.

– Как же мне не кручиниться, дождиночка! Хворает моя старуха. Чем только и спасалась раньше – кашицу из тыквы перетирала и оздоравливалась. Приготовили мы семена полезного растения, чтобы весной посеять. Но зимой такое нашествие мышей на нашу деревню случилось... А всё из-за одной лисицы окаянной! Забралась она по осени к соседям в курятник и чуть всех кур не передушила. Осерчали деревенские мужики и стали всех лисиц в ближних лесах истреблять да норы лисьи разорять. А лисица-то как-никак злейший враг мышей, она их сотнями на полях изничтожает. Повывелись лисицы в наших краях, вот и расплодились серые вредители, вот и полезли в дома, стали поедать всё, до чего доберутся. Мурка наша – крысоловка по материнской линии, но и та не смогла сладить с таким полчищем грызунов, хотя по многу в день вылавливала и на крылечко рядками складывала...

Каким-то чудом сохранилось у нас одно тыквенное семечко. Посадил я его, а оно ну никак всходить не хочет. И других семян достать я не могу! В деревне ни у кого нет. А в другие края мне не добраться: из «транспорта» даже старой клячи нет, одна Бурёнка в хозяйстве.

Старуха моя загалдела: «Помру я, помру без своего лекарства!» А ведь чего в уме, то и может произойти! Захворала совсем – в постели лежит да охает. Взошёл бы расточек, глядишь, и старуха моя бы повеселела...

Подумала-подумала Капелька, помолчала немного и говорит:

– Неси-ка ты меня, старик, да опусти в то самое место, где тыквенное семечко посадил.

Старик так и сделал.

Пробралась Капелька в почву, видит – семечко уже загнило.

«Разве даст оно расточек?» – подумала она. Потом надула щёки, хлопнула по ним ладошками и выкрикнула: «Ацидов яввиж!» И превратилась наша Капелька в волшебную живую воду, напитала ею семечко. Семечко и исцелилось – стало как новенькое! И тут же дало росточек.

Выглянул расточек из земли – у старика аж дух захватило. Один листочек... второй листочек... третий листочек раскрылся, а на нём Капелька сидит.

До слёз радовался старик, благодарил нашу чудесницу и предлагал ей у них жить остаться. Но Капелька попросила отнести её в родное озеро.

Взял бережно старик её в ладони и отнёс в желанное место.

Но на этом дружба старика и Капельки не закончилась: она ещё не раз выручала старика. А он в благодарность рассказывал Капельке старые добрые сказки.

А в озере наша путешественница встретилась с Краснопёркой, дедушкой Сомом и другими друзьями, которые с нетерпением ждали её возвращения.

Вот такая история», – закончил свой рассказ дедушка Месяц, устало потирая глаза.

– А ещё сказку!

– Ещё сказку!

– Дедушка-а!

– Расскажи!

– Расскажи! – галдели неугомонные внучата.

– Хватит на сегодня сказок. И рассвет уже совсем близко. Пора отдохнуть. А завтра я поведаю вам другую интересную историю.

– О чём она?

– О чём, дедушка? – вопрошали маленькие трещотки.

– Завтра и узнаете, – ответил бородатый старичок, ласково потрёпывая сидящего ближе всех внука за кудрявый золотистый чубчик.

Потом он широко зевнул, закрыл глаза, уткнулся носом в белёсый меховой воротник и тут же засопел. Потому что наступило утро.

Стихотворения

**Медведева
Оксана Леонидовна**

Ейск

Дитя Краснодарского края,
Кубанской казачьей земли!
Тебе, город Ейск, посвящаю
Простые напевы свои.
Вдали от кавказских раздоров
Спокойный страны уголок.
Где волны Азовского моря
Лобзают сыпучий песок.
Вскормлен судаком и таранью,
Плодами садов и полей.
Что может быть сердцу желанней,
Что может душе быть милей,
Чем ясное мирное небо
В приветливом Ейске родном,
Где много румяного хлеба
И добрый родительский дом!

**Для меня Россия –
это . . .**

Для меня Россия – это детство,
Отрочества, юности шаги,
Детворы веселое соседство,
Лужи, из резины сапоги.
Для меня Россия – это море,
Бьющее волною о песок,
Ветер, что с природой в вечном споре,
Дочери любимый голосок.
Школьные надежные подруги,
Домика родимого порог.
Общие заслуги и недуги,
Милосердный православный Бог.
Сказочно богатое наследство –
Я им восхищаюсь не дыша.
Для меня Россия – это сердце,
Разум и бессмертная душа.

Не качай задумчиво ветвями...

Не качай задумчиво ветвями,
Старая шелковица у дома,
Не шурши испуганно листьями,
Будто бы со мною незнакома.
Помнишь голопузую Оксанку,
Маленькую круглую толстушку,
Что к тебе спешила спозаранку,
Чтоб наполнить ягодами кружку?
Как по крыше бегала босая,
Твой наряд зеленый обрывала,
Головы прохожих осыпая.
Но теперь-то ты меня узнала?
Да... Давно расстались мы с тобой,
В новую квартиру перебравшись,
Я скучала по тебе, не скрою,
И сейчас стою разволновавшись.
Раньше здесь дышалось мне привольно:
Дом родной, и ты была, родная,
А сегодня смотришь недовольно,
Словно я прохожая какая.

Знамя нашей Победы

**Колесников
Тимур Амирович**

Знамя нашей Победы

Среди руин, разрывов, гари
Агонизировал рейхстаг,
Когда Егоров и Кантария
Над ним воздвигли красный флаг.
Обычный флаг — один из многих
Багряных символов страны.
С такими мы прошли дороги
И бездорожья той войны.
Такой же нес из окруженья
Красноармеец на груди.
Такой же подымал в сраженьях
На пулеметы впереди.
С таким страна вождю внимала
И верила, что победим.
Казалось бы: таких не мало.
Но этот красный флаг — один!
В нем демократия Европы,
Ее насквозь «гуманный» лик —
И танк, утюжащий окопы,
И дом бомбящий штурмовик.
В нем мириады криков, стонов,
Огня и стали круговерть!
В нем сила воли миллионов
И чья-то жизнь, и чья-то смерть!

В нем подвиги героев наших
Алмазной нитью вплетены,
Могилы без вести пропавших
И звезды маршалов страны.
В нем Ленинград непокоренный
И завоеванный Берлин.
В нем русским Ваней побежденный
Всеевропейский властелин!
В нем лоск парадного наряда,
И жар патриотичных фраз,
И нежность маминого взгляда,
И пропасть выплаканных глаз.
Взойдя над вражеской твердыней,
Он в мир принес благую весть!
Святей Победы нет святыни,
Пока Россия в мире есть!

Стихотворения

**Гаврилина
Мария Сергеевна**

Моя деревня

Тихая деревня около реки,
Ласково сверкают звезды-огоньки,
А всех ярче светит белая луна,
И, волнуясь, плещет синяя волна.
Я пойду в зеленую рощу у ручья,
Буду слушать трели, трели соловья.
Не ушла б я с ночи,
С ночи до зари,
Если б не кусали злые комары.

Два кота

Живут в квартире два кота:
Четыре глаза, два хвоста.
Одна – как маленькая тучка,
Другой – как легкий солнца лучик.
Мне с ними скука не страшна:
Я не одна! Я не одна!
Мое плохое настроенье
Они исправят за мгновенье:
Все «мяу-мяу», «мур-мур» –
Тепло от их пушистых шкур.
Одна у ног с урчаньем трется,
Другой на ручки заберется.
Они любовь и доброта –
Два замечательных кота!
Меня разбудят утром рано,
Мурлыкать нежно-нежно станут:
«Пора вставать! Пора вставать!
Нам завтрак надо подавать!
Мяу! Мяу! Мяу! Мур-мур!»

РЫЖИЙ КОТ

Рыжий кот на прогретом крылечке лежит, отдыхает
И спешащих прохожих веселой песней встречает.
Непоседа апрель, как мальчишка, резвится, играет,
Уходящему марту снежинки вдогонку бросает.
Скоро, скоро! Придет его шуткам пора...
А старушка зима убирает меха со двора,
Прячет косы седые под пестрым весенним платком.
Солнце кошечкой рыжей тихонько шуршит под окном.
Будет кошечка-солнце по свеженькой травке гулять
И росинки, как мячики, в небо бросать.
Будет рыжика милого в шуме апрельском искать,
Чтобы звонкие песни на ушко весне напевать.

Кленовый листок

Кленовый листок, на цыпленка похожий,
Печально глядит на спешащих прохожих.
Беспомощен, жалок и так одинок!
Он в луже холодной до нитки промок.
Кленовый листок вспоминает о лете:
Когда с ним играл хулиганистый ветер,
Дождь сказки на ушко тихонько шептал,
А солнечный лучик, как брат, целовал.
Где лето? Где лучик? Где ласковый ветер?
Озябший цыпленок один в целом свете.
Любви и тепла не хватает ему...
Все мимо проходят, а я подниму
Осенний листок, на цыпленка похожий,
Рукой проведу по дряхлеющей коже.
«Ты очень красивый!» – тихонько скажу,
Разглажу и в книжку свою положу.

Стихотворения

**Антонов
Петр Геннадьевич**

К столетию СССР

...И глаз открытый взгляд,
Веселая улыбка,
Для помощи всегда протянута ладонь...
Строительный отряд –
Советская открытка.
И подвигом труда горит в груди огонь.
А разность языков
Нам вовсе не мешала.
Нас только отличала по праздникам еда.
Пыль строек и балков
На куртках оседала.
Казалась ни по чем любая нам беда.
Строители судьбы
Путь к звездам открывали.
Здесь не было чужих – одна была семья.
Теперь границ столбы...
Мы дружбу измарали.
Истлела в лоскуты советская земля.
Я знаю, не вернуть
Прошедшего бывшего.
Мне жаль до слез тех лет. Никто не виноват?..
Я верю в светлый путь!
Что мы построим снова
Страну, что будет лучше и крепче во сто крат!

«Мой город»

И я, и город мой – мы просто братья!

И я расту, и он со мной растёт.

И, как весной девчонки в пестрых платьях,

Букетом улиц весело цветёт.

Про город мне читает мама книжки.

В музее фото деда вижу я.

И с городом моим мы – как мальчишки.

И каждый в городе – моя семья.

Как братья, связаны одной судьбою,

Мы делим солнце, дождь и снегопад.

Я здесь живу. Здесь все мое, родное!

И городу любимому я рад!

Мы с городом моим – родные братья,

Растем душой и тянемся вперед.

Наступит время, и у нас в объятьях

Мечты и звезды встанут в хоровод!

Самотлорский кедр

Весной росток, согревшись и умывшись
Большой реки Оби водой,
В желанье жить, корнями укрепившись,
Родился кедр молодой.

В реке он видел неба отраженье:
Купались звезды среди волн.
Не то во сне, не то в воображенье
Там видел он шамана челн.

Но нет, не сон! Засуетились люди,
И закружилась голова.
Здесь будет город, и меж таежных судеб
Дорог и улиц развернутся рукава!

Нет, то не сказки старого шамана.
Дома растут, а не грибы.
Из ничего, из прихоти тумана,
По повелению судьбы.

Родился город. Он растет и крепнет.
В тайге. Он солнцем напоен.
Он будет вечен здесь! Он не исчезнет!
Прекрасный город, словно кедр сон!

Дороги «пьяные» и мертвые озера...
Пускай! Не в этом, в общем, суть!
Страны большой столица Самотлора —
Ее вперед надежный путь!

ПОМНИМ

**Чабан
Вячеслав Владимирович**

ПОМНИМ

Помним, помним все и миру напомним!

О войне Великой Отечественной,

О лихолетьях сорок первого – сорок пятого говорить не устанем,

Мы, дети победителей в войне той.

Помним, помним все и миру напомним!

О крепости Брестской, о Сталинграде, о Курской дуге.

Всех воинов мы поименно чтим,

Вспомним о Ржеве, о Мурманске и Малой земле.

Помним, помним все и миру напомним!

О жертвах Хатыни, Освенцима, Бухенвальда.

И головы мы свои преклоним

В честь стойкости жителей блокадного Ленинграда.

Помним, помним все и миру напомним!

О провальном блицкриге немецком

Коллаборантам и сателлитам европейским,

Ставшим под их стяги в ногу с фашизмом.

Помним, помним все и миру напомним!
О победоносной славной русской армии,
Знаем героев, их имена в памяти навеки сохраним,
О крушении Третьего рейха в Берлине.

Помним, помним все и миру напомним!
Как русский солдат принес в Европу свободу,
Поставил точку в войне на Востоке Дальнем.
Напомним сегодня об этом Западу!

2025